

Н. А. Михальчук, старший преподаватель кафедры русского языка
Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова

Косвенные речевые акты в романе В. В. Набокова «Защита Лужина»

В статье из выделенных нами в романе В. В. Набокова «Защита Лужина» семи стратегий, имеющих косвенную реализацию (отказ, несогласие, просьба, запрет, совет, сообщение, прощение), рассмотрены три наиболее частотные. Это стратегия отказа, стратегия несогласия и стратегия просьбы. Разграничиваются вербальные и невербальные средства реализации данных речевых ситуаций. Указываются причины, по которым персонажи романа В. Набокова прибегают к косвенным речевым актам.

Косвенные речевые акты делятся на группы с точки зрения наличия и роли авторских комментариев, определяются основные способы реконструкции содержания косвенного речевого акта в романе В. Набокова. Использование результатов нашего исследования может быть полезно для дальнейшего изучения не прямой коммуникации, этикета, а также для понимания и интерпретации художественного текста.

Three most frequently used out of seven strategies of indirect communication (refusal, disagreement, request, prohibition, advice, report, farewell) that have been highlighted in the novel «The Defence of Luzhin» by V.V. Nabokov are considered in the article. They are the strategies of refusal, disagreement and request. Verbal and non-verbal means of realization of these speech situations have been differentiated. The author points to the motives that make the characters of V. Nabokov's novel resort to the indirect speech acts.

The indirect speech acts are divided into several groups from the standpoint of presence or absence of the author's remarks; the main ways of reconstruction of the content of the indirect speech act in the novel by Nabokov have been defined.

The results of the research may be used in further studies of the indirect communication of the etiquette, for understanding and interpretation of a literary text.

Ключевые слова: не прямая коммуникация, косвенный речевой акт, неконвенциональные косвенные речевые акты, конвенциональные косвенные речевые акты, диады, вербальные и невербальные средства реализации речевой ситуации, фактическое общение.

Key words: indirect communication, indirect speech act, unconventional indirect speech acts, conventional indirect speech acts, diada, verbal and non-verbal means of realization of a speech situation, natural communication.

Введение

Косвенные речевые акты в прагмалингвистическом аспекте исследовались Дж. Р. Серлем, О. И. Герасимовой, Р. Конрадом, Е. В. Падучевой, А. Г. Поспеловой, Л. М. Фоминой, А. Д. Шмелёвым и др. В центре внимания лингвистов были проблемы прямых и косвенных иллокуций, обращения к косвенным формам высказывания.

Косвенными речевыми актами Дж. Р. Серль называет случаи использования высказываний, грамматическая форма которых обычно употребляется для выражения иллокуции X, для выражения иллокуции Y. Например, фраза *Не могли бы вы мне передать сыр?* грамматически является вопросом, но в действительности

в коммуникации используется для выражения вежливой просьбы. Понимание этой фразы как вопроса в первичной функции возможно в определённых контекстах, но в практическом плане часто не имеет смысла. Косвенные речевые акты основываются на способе переинтерпретации речевой формы, который может быть стандартным или нет. В основу типологии косвенных речевых актов большинство исследователей кладут противопоставление конвенционализированных и неконвенционализированных косвенных высказываний.

Косвенные речевые акты определяются в узком и широком смысле. При «широком» определении косвенным речевым актом считает-

ся любое высказывание, если есть расхождение между формой высказывания и его иллокутивной функцией. «Узкое» определение заключается в том, что косвенными речевыми актами признаются или только конвенциональные (Дж. Грин), или, напротив, неконвенциональные (Х. Хаверкате, Л. М. Фомина). Мы в данной статье придерживаемся широкого определения речевого акта.

В. В. Дементьев пишет о диадном характере не прямой коммуникации и, в частности, косвенных речевых актов. Диады (Дементьев называет их типами не прямой коммуникации) выделяются «в зависимости от конкретных интенциональных состояний, выступающих в качестве членов диады означаемого и означающего» [1, с. 119]. Вопрос о количестве диад, членах и о том, в каких пределах может варьироваться рассогласование между интенциональным и буквальным значением, является сложным. На первый план лингвистами выдвигается проблема интерпретации адресатом и наблюдателем косвенных речевых актов.

Основная часть

В романе «Защита Лужина» главный персонаж Александр Иванович Лужин, находящийся спасение от жизни в шахматном даме, часто проявляет «глухоту» в ситуациях речевого общения с окружающими людьми. С самого начала Лужин предстаёт как человек, постоянно нарушающий требования этикета. При прощании он «крякнул, встал и замечательным образом кивнул (“по-хамски” — весело подумала она, переводя этот кивок на язык матери), направился к лестнице» (здесь и далее цитируется по: Набоков, В. В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. В. Набоков. — Москва, 1990). Мать будущей невесты он называет, к её возмущению, «мадам, просто мадам, как приказчик». Тем не менее Лужин во всех своих контактах с будущей невестой и её родителями старается соблюдать этикет. Высокая внутренняя культура заставляет его искать способы не обидеть окружающих, сохранить хорошие отношения с партнёрами по общению.

Следует отметить широкое использование Лужиным косвенных речевых актов, которые преобладают над прямыми. В речи Лужина наблюдаем неконвенциональные косвенные речевые акты, конвенциональных же косвенных речевых актов нами не отмечено. Косвенные реализации интенций видим и в речи Лужиной, жены персонажа.

Из выделенных нами в романе семи стратегий, имеющих косвенную реализацию (отказ, несогласие, просьба, запрет, совет, сообщение, прощание), рассмотрим три, являющиеся наиболее частотными. Также укажем причины, по которым персонажи романа прибегают к косвенным речевым актам.

1. Стратегия отказа.

Диада «Сообщение — отказ».

1.1. Причина использования косвенных речевых актов — смягчение ситуации реализации «неблагоприятной» для адресата интенции.

Т. В. Нестерова отмечает: «Ситуация отказа является одной из сложнейших в процессе речевого взаимодействия, поскольку связана с неблагоприятной для адресата интенцией и представляет собой зону коммуникативного риска» [2, с. 47]. Речевые реализации с интенцией отказа обычно содержат негативную реакцию отрицание, несогласие, нежелание. Косвенные высказывания в таком случае употребляются с целью создания социально благоприятного климата общения. Главные персонажи романа В. Набокова «Защита Лужина» Лужин и Лужина преимущественно избегают давать негативные оценки действительности, мыслям, предложениям собеседника.

1.1.1. Вербальные средства реализации речевой ситуации:

«Не выходи ты за него замуж, — изменившись в лице, проговорила мать. — Не выходи. Умоляю тебя. Ну, хочешь, я бухнусь перед тобой на колени...» И, опираясь одной рукой о кресло, она стала с трудом сгибать ногу, медленно опуская своё большое, слегка похрустывавшее тело.

— Пол продавишь, — сказала дочь и, захватив книги, вышла из комнаты.

Косвенный речевой акт «пол продавишь» реализует значение отказа, форма несогласия связана с шутливой иронией, которая позволяет реализовать его в гармоничном ключе.

— Но одно нужно сделать непременно, — сказала она решительно. — Мы должны поехать на кладбище, посмотреть на могилу, посмотреть, не запылено ли.

— Холодно и далеко, — сказал Лужин.

Интенция отказа, выраженная в косвенной форме, включает аргументацию. Т. Нестерова называет речевые акты, подобные «холодно и далеко», контекстуально-ситуативными косвенными речевыми актами, которые в изолированной позиции данный смысл не обнаруживают.

— С мундштучками, — сказал Лужин, покосившись на папиросы. — Этих не курю. А вот... Он стал рыться в карманах, извлекая толстые папиросы.

— Давайте, завтра вступим. Завтра. В самый законный брак.

— Да, скоро, скоро, — отвечала она. — Но нельзя же в один день. Есть ещё учреждения. Там мы с вами будем висеть на стене в продолжение двух недель, и ваша жена тем временем придет из Палермо, посмотрит на имена и скажет: нельзя, Лужин — мой.

Форма отказа реализована в гармоничной форме, так как связана с шутливой иронией, кокетством, любовной игрой. Серьёзный разго-

вор переводится в шутливую тональность, отказ представляет собой уход от прямого ответа и интерпретируется как имплицитное согласие: «Хорошо, но не сейчас, несколько позже».

1.1.2. Невербальные средства реализации речевой ситуации:

— *Пойдём к вам в комнату, — хрипло шепнул Лужин невесте, и она прикусила губу и сделала большие глаза.*

— *Пойдём же, — повторил он.*

Но она ловко положила ему на стеклянную тарелочку чудесного малинового варенья, и сразу подействовала эта клейкая, ослепительно красная сладость, которая зернистым огнём переливалась на языке, душистым сахаром облила зубы.

— *Мерси, мерси, — кланялся Лужин, пока ему накладывали вторую порцию...*

Косвенным выражением отказа в этой речевой ситуации являются коммуникативно-значимое молчание и невербальные средства коммуникации. Цель, стоящая перед говорящим, — не выполнить просьбу коммуниканта, но и не разрушить коммуникацию, сохранить зону благорасположения, доброжелательных отношений.

Таким образом, основными коммуникативными тактиками реализации коммуникативной стратегии косвенного отказа в романе являются: 1) аргументированный отказ с выражением сожаления говорящим; 2) шутливая ирония, кокетство, любовная игра; 3) молчание.

2. Стратегия несогласия.

Диада «Сообщение — несогласие».

2.1. Смягчение ситуации реализации «неблагоприятной» для адресата интенции.

2.1.1. Вербальные средства реализации речевой ситуации:

— *Ты беременна? Я уверена, что уже беременна.*

— *Да что ты, — отвечала дочь, — я давно родила.*

Косвенный речевой акт субъекта несогласия в этом случае представляет собой шутливый уход от прямого ответа на вопрос.

— *Право же, будем говорить о другом, — растерянно сказала Лужина. — Я не могу это выразить, я плохо умею об этом говорить, но я чувствую, что вы ошибаетесь. Вот, если хотите, поговорите об этом с моими родителями как-нибудь...*

Вежливое несогласие в этом случае («негативный», церемонный вид этикета) имеет смягчённую форму (использован акцентуатор «я чувствую», кроме того, говорящий принижает себя и свои качества собеседника). Также несогласие сопровождается сменой темы разговора, которая является отказом общаться на заданную тему. Говорящий эксплицирует основание отказа и заменяет его контрпредложением, содержащим переадресацию действия. Несогласие и отказ

демонстрируют внимание к собеседнику и готовность помочь.

На основе собранного материала мы выделили следующие тактики косвенного несогласия: 1) шутливый уход от прямого ответа на вопрос; 2) принижение говорящим себя и своих качеств; 3) смена темы разговора; 4) контрпредложение; содержащее переадресацию действия.

Данные тактики направлены на соблюдение принципов кооперации, деликатного отношения к чувствам партнёра, создание вежливой атмосферы.

3. Стратегия просьбы.

Диада «Сообщение — просьба».

3.1. Смягчение ситуации реализации «неблагоприятной» для адресата интенции.

3.1.1. Вербальные и невербальные средства реализации речевой ситуации (совмещение двух типов):

Лужин к ней подошёл и хмуро, с виноватой усмешечкой, сказал что-то длинное и несурзное. Она с удивлением поняла, что он просит её уйти.

— *Я рад, я очень рад постфактум, — умоляющим тоном пояснил Лужин, но пока... пока это как-то мешательно.*

Просьба уйти является неблагоприятным для адресата речевым действием, интерпретируется как отказ от общения. С целью смягчить травмирующее действие речевого акта Лужин прибегает к косвенной этикетной реализации просьбы. Отказ содержит аргументацию, что также смягчает речевой акт. В него включается заверение коммуниканта, что впоследствии, в другое время общение будет приятно. Формой смягчения речевого акта отказа является и выражение сожаления говорящим с помощью невербальных средств коммуникации («хмуро, с виноватой усмешечкой сказал»).

3.2. Стремление разрешить «конфликт интересов».

Уже само обращение к побудительному речевому акту (директиву) содержит в себе противоречие с принципом вежливости. Косвенные директивы, согласно традиционной точке зрения, более вежливы, так как слушающему предоставляется возможность «выйти из игры» [3].

3.2.1. Вербальные средства реализации речевой ситуации:

Зима была в тот год белая, петербургская. Лужинушили ватное пальто. Нищим русским были выданы некоторые старые лужинские вещи, — между прочим, зелёное шерстяное кашне швейцарского происхождения. В прихожей висел обречённый пиджак.

— *Он такой комфортабельный, — взмолился Лужин, — такой чрезвычайно комфортабельный.*

— *Оставьте, — сказала жена из спальни. — Я его ещё не осмотрела. Он, вероятно, кишит молью.*

— Чудно, — крикнул он тонким голосом.
Жена, с носком в руке, выглянула в прихожую.

3.2.2. Невербальные средства реализации речевой ситуации:

Лужин снял смокинг, ... и с любовью влез в рукава обречённого. Милейший пиджак, никаких молей нет и в помине.

Косвенная реализация просьбы в данном случае помогает Лужину отстоять свою точку зрения и при этом не допустить агрессивности. Стратегия побуждения к действию осуществляется посредством речевой тактики демонстрации достоинств предмета, осуществляемой вербальными и невербальными средствами.

3.3 Желание отстоять свои интересы.

3.3.1. Вербальные средства реализации речевой ситуации:

— *Итак, продолжая вышесказанное, должен вам объявить, что вы будете моей супругой, я вас умоляю согласиться на это, абсолютно было невозможно уехать, теперь будет всё иначе и превосходно.*

Стратегия побуждения к действию реализуется тактикой констатации того, что действие непременно будет выполнено.

Отметим роль авторских ремарок для интерпретации косвенных речевых актов, т. е. реконструкции диад (извлечения иллокуции Y из высказываний, грамматическая форма которых обычно используется для выражения иллокуции X). Все косвенные речевые акты с точки зрения наличия и роли авторских комментариев можно разделить на три группы:

1) для реконструкции их содержания необходима авторская ремарка. Ср.: *Она с удивлением поняла, что он просит её уйти; умоляющим тоном пояснил Лужин; — Он такой комфортабельный, — взмолился Лужин, — такой чрезвычайно комфортабельный. Лужин снял смокинг, ... и с любовью влез в рукава обречённого. Милейший пиджак, никаких молей нет и в помине; — Пол продавишь, — сказала дочь и, захватив книги, вышла из комнаты; — Было хорошо, — сказал Лужин и поцеловал ей одну руку, потом другую, как она его учила.*

На иллокуцию Y указывают глаголы-верификаторы «просит уйти», «взмолился», словосочетание «умоляющим тоном», а также описание действий (*захватив книги, вышла из комнаты, положила ему на стеклянную тарелочку чудесного малинового варенья*) и невербальных средств коммуникации (*поцеловал ей одну руку, потом другую, как она его учила*);

2) авторская ремарка не помогает реконструировать тип диады и является факультативной. Ср.: — *Холодно и далеко, — сказал Лужин; — Я вас перестану любить, — говорила невеста, — если вы будете вспоминать о шахматах. — Да что ты, — отвечала дочь, —*

я давно родила; — Право же, будем говорить о другом, — растерянно сказала Лужина;

3) авторская ремарка отсутствует. Ср.: — *Итак, продолжая вышесказанное, должен вам объявить, что вы будете моей супругой, я вас умоляю согласиться на это, абсолютно было невозможно уехать, теперь будет всё иначе и превосходно.*

Для реконструкции диад могут использоваться другие реплики, уточняющие содержание высказывания, ср.: — *Вы что, Лужин, как будто прощаетесь? Да-да, — сказал он, притворяясь рассеянным.*

Извлечению иллокуции Y из высказывания, грамматическая форма которого предназначена для выражения иллокуции X, могут помочь прямые речевые акты, которые следуют за косвенными. Ср.: — *Итак, продолжая вышесказанное, должен вам объявить, что вы будете моей супругой, я вас умоляю согласиться на это, абсолютно было невозможно уехать, теперь будет всё иначе и превосходно.*

Выделим основные способы реконструкции содержания косвенного речевого акта в романе В. Набокова: на основании самого косвенного речевого акта и знания метакодекста; с помощью авторских комментариев; с помощью других реплик, уточняющих содержание высказывания; с помощью прямых речевых актов, следующих за косвенными (т. е. за косвенным речевым актом следует высказывание, которое выражает иллокуцию X и грамматическая форма которых обычно используется для выражения иллокуции X).

Предпочтение непрямым средств воздействия персонажами «Защиты Лужина» обусловлено несколькими факторами. Во-первых, это сложность социальных взаимодействий коммуникантов (по Н. И. Формановской, [4, с. 158]). Во-вторых, важным аспектом непрямого воздействия является вежливость, а также стремление к эффективности воздействия [1]. Аспект вежливости является значимым для характеристики причин использования непрямого коммуникации героями романа «Защита Лужина». На наш взгляд, непрямую коммуникацию в речи Лужина можно рассматривать и как следствие отчуждения между ним и другими персонажами.

Степень употребительности косвенности в бытовом и официальном, или позитивном и негативном этикете различается. Супружеский и родительский этикет, преобладающие в этикетном общении в романе, являются вариантами позитивного этикета, который в прагматической теории вежливости П. Брауна и С. К. Левинсона противопоставляется негативной вежливости. Позитивный этикет в отличие от негативно ориентированного речевого этикета, направленного на сохранение должной дистанции между говорящим и собеседником, допускает открытую манифестацию чувств, на-

пример прямое выражение собственной потребности. Негативный дистанцированный этикет предписывает исключительно косвенные речевые акты, выражающие цели, непосредственно затрагивающие адресата.

Лужин предпочитает косвенные речевые акты прямым не только в ситуациях, связанных с «неблагоприятными» для адресата интенциями и являющимися зоной коммуникативного риска, но также и в других — тех, в которых прямой речевой акт в рамках приятельского этикета является допустимым.

В ситуациях, диктующих позитивное, нецеремонное этикетное общение (общение Лужина с женой), наблюдаем большее количество косвенных реализаций значений просьбы, чем прямых. Непрямая коммуникация в данных ситуациях повышает степень негативности этикетности речи, увеличивает психологическую дистанцию между говорящим и адресатом и создаёт отчуждённость между персонажами. На протяжении двадцати лет жизни талант шахматиста даёт Лужину прибежище, куда он прячется от жизни, он по существу является «человеком другого измерения». После знакомства с невестой, которая помогает ему забыть шахматы, он по-прежнему не может открыться для жизни, поскольку теперь утрачивает собственное «я».

Жена Лужина всегда прибегает к косвенным речевым актам в ситуациях реализации неблагоприятных для адресата интенций — отказ, несогласие, неодобрение, запрет. Но она нечасто и гораздо реже, чем Лужин, использует косвенные речевые акты в ситуациях, в которых в рамках позитивного, «сближающего» этикета (его варианта — супружеского) допустимы прямые речевые акты — просьба, цели которой затрагивают адресата, совет. Таким образом, наблюдаем её большее, чем у мужа, стремление к сокращению дистанции и преодолению отчуждённости.

В речи Лужина нередки коммуникативные неудачи. В ряде случаев к коммуникативной неудаче ведёт непонимание косвенного речевого акта, используемого в фатическом общении.

Понятие «фатическое общение» было введено В. Малиновским и определено им как такая разновидность речи, которая отражает заложенное в природе человека стремление к созданию «уз общности» между людьми. Т. Г. Винокур предложила диаду «информатика — фатика», в которой информатика складывается из «общения и воздействия» (три функции языка, выделенные В. В. Виноградовым), а фатика представляет собой общение. Фатическое речевое поведение Т. Г. Винокур рассматривает как «речевой акт, интенция осуществить который нацелена на сам этот акт как на предпочтительный способ вступить в общение: а) частные цели в фатическом речевом жанре всегда подчинены начальному контактному импульсу; б) инфор-

мативная задача высказывания, следовательно, с точки зрения участников общения, вторична; в) коннотативный план коммуникативно-стилистического характера, наоборот, способен выступать как абсолютная ценность» [5, с. 108—109].

Яркий пример коммуникативной неудачи Лужина — диалог с отцом невесты.

— Я, между прочим, всегда интересовался, нет ли в шахматной игре такого хода, благодаря которому всегда выиграешь. Я не знаю, понимаете ли вы меня, но я хочу сказать... простите, ваше имя-отчество?

— Нет, я понимаю, — сказал Лужин, приятно пораздумав. — Мы имеем ходы тихие и ходы сильные. Сильный ход...

— Так, так, вот оно что, — закивал господин.

— Сильный ход — это который, — громко и радостно продолжал Лужин, — который сразу даёт нам несомненное преимущество.

— Так, так, — сказал господин. — Сколько же дней приблизительно будет продолжаться состязание?

— Тихий ход — это значит подвох, подкол, компликация, — стараясь быть любезным и сам входя во вкус, говорил Лужин. — Возьмём какое-нибудь положение. Белые...

— К сожалению, — нервно сказал господин, — я в шахматах ничего не смыслю. Я только вас спрашивал... Но это пустяк, пустяк. Мы сейчас пойдём в столовую. Что, думаете, чай готов?

— Да! — воскликнул Лужин. — Мы просто возьмём положение, на котором сегодня был прерван эндшпиль.

В репликах отца невесты имеет место не прямая коммуникация особого типа — фатического. Смысл его первоначального вопроса — «установление контакта», «проверка, работает ли канал связи», «заполнение паузы» [6, с. 201], но не сообщение о чём-либо. Таким образом, не прямое высказывание героя, представляющее собой фатическую реплику, было интерпретировано Лужиным неверно и воспринято прямо, результатом чего стала его коммуникативная неудача — пространный рассказ о тонкостях шахматной игры. У Лужина, живущего в «шахматном мире» и не придающего до сих пор значения общению, нет необходимой коммуникативной компетенции, которая позволила бы ему соотнести уместность данных языковых фактов с замыслом говорящего.

С одной стороны, он стремится к соблюдению правил кооперации — доброжелательности, искренности, что подчёркивается авторской ремаркой *стараясь быть любезным и сам входя во вкус*, с другой — не понимает сути и функции фатического общения, поэтому не демонстрирует адекватного понимания.

То же — в диалоге с невестой:

Потом она спросила, сознавая глупость вопроса, но не в силах остановиться, — давно ли он играет в шахматы. Он ничего не ответил, отвернулся, и она так смутилась, что стала быстро перечислять все метеорологические приметы вчерашнего, сегодняшнего, завтрашнего дня... Он продолжал молчать, и она замолчала тоже, и стала рыться в сумке, мучительно ища в ней тему для разговора и находя только сломанный гребешок. Он вдруг повернул к ней лицо и сказал:

— Восемнадцать лет, три месяца и четыре дня.

В этих случаях особенности речевого поведения персонажа являются средством создания его речевой характеристики, выполняют стилистическую функцию, являют нам образ неуклюжего, нелепого, «замкнутого» в своём мире человека.

Сознательным нарушением нормы этикета, по мнению ряда лингвистов, например В. В. Демтьева, считается использование невербального содержательного эквивалента, что мы нередко наблюдаем в речевом поведении Лужина.

Ср.: невербальное средство — «заменитель» этикетной формулы согласия:

— Хорошенькая у меня девочка, правда? Ножки стройные.

Лужин поклонился.

— Значит, вы в понедельник отбываете?

Лужин поклонился снова.

— У вашего отца была земля? Не правда ли?

Лужин кивал.

— Земля, деревня — это превосходно, — продолжал профессор. — У вас были, верно, лошади, коровы?

Кивок.

Коммуникативные неудачи героя в романе часто связаны с использованием единиц, близких к непрямой коммуникации. Речевые акты Лужина порой вызывают значительные трудности в интерпретации у его жены. В результате в процессе общения не достигается коммуникативная цель и нарушается взаимопонимание. Подобные речевые акты мы считаем не прямой коммуникацией, а речевыми ошибками, поскольку в них не наблюдаем сознательного отступления от конвенции, и в то же время они и воспринимаются адресатом именно как ошибки.

— Я давно хотела вас спросить, — ведь после смерти вашего отца остались, должно быть, какие-нибудь вещи. Где всё это?

Лужин пожал плечами.

— Был такой Хрущенко, — пробормотал он погодя.

— Не понимаю, — вопросительно сказала жена.

— В Париж мне написал, — нехотя пояснил Лужин, — что вот, смерть и похороны

и всё такое, и что у него сохраняются вещи, оставшиеся после покойника.

— Ах, Лужин, — вздохнула жена. — Что вы делаете с русским языком.

Представлены в романе и персонажи, не использующие косвенные речевые акты в ситуациях реализации неблагоприятных для адресата интенций и явно предпочитающие им прямые. Эти герои постоянно нарушают этикетные нормы. Это, во-первых, тёща Лужина. Этот персонаж и её действия оцениваются автором с использованием термина соответствия требованием этикета — как «бестактный» человек: «Была она очень добра и очень бестактна». Мать Лужиной допускает прямые формы критики и неодобрения, а также резко отрицательные оценочные квалификации собеседника и того, что включается в его личную сферу.

Ср. — *Редко, наверное, ждёшь, — сказала она без обиняков. — Редко? Признайтесь-ка? (неодобрение). — Скажите, — спросила она, — я думаю, вы успели очень развратить мою девочку? Такие, как вы, большие развратники (отрицательное оценочное суждение об адресате). Если вы хоть немножко интересуетесь моим мнением, то должна вам сказать, что считаю этот брак чепухой. Кроме того, вы, вероятно, думаете, что мой муж будет вас содержать. Признайтесь: думаете? (критика, отрицательная оценка того, что входит в личную зону адресата). Вы, вероятно, хотели бы жениться уже сегодня, сейчас. Знаю я вас. Потом будет она ходить с брюхом, замучите её сразу (критика, отрицательная оценка адресата). В рамках позитивного родительского этикета: — Сумасшедшая... я поседела из-за тебя. Ты не выведешь за этого шахматного обормота (отрицательная оценка адресата, запрет). ...Она села на Лужина, первым делом отчитала его за окурки, находимые во всех вазочках и даже в пасти распластанного медведя... (критика).*

Если критика и неодобрение допускаются, хотя и только в смягчённой форме, в рамках приятельского, нецеремонного этикета, который тёща Лужина избирает по отношению к будущему зятю, то отрицательные оценочные квалификации адресата явно выводят общение за рамки этикетного.

Набоков постоянно подчёркивает прямо-ту тётки Лужина в выражении своих чувств, говорит, что свою способность резать правду-матку (за что молодые люди, посещавшие её дом, считали большой умницей и очень боялись) она весьма высоко ценила. Однако сам писатель называет это бестактностью. Близкие ему, положительные персонажи в романе редко прибегают к прямой манифестации своих чувств в ситуациях, угрожающих лицу адресата, предпочитая ей косвенную форму, которая мыслится писателем более вежливой.

Выделяется в плане несоблюдения требований этикета и другой персонаж — это дама из России. Непрямая коммуникация появляется в репликах дамы из России в одном случае — несоответствия произносимого вслух и внутренней речи.

Громко, в перебивку, убеждая друг друга, что обе они ничуть не изменились, а разве только похорошели, они прошли в кабинет, где было уютней, чем в гостиной. Приезжая про себя отметила, что Лужина десять-двенадцать лет тому назад была довольно изящной подвижной девочкой, а теперь пополнила, побледнела, притихла, а Лужина нашла, что скромная, молчаливая барышня, некогда бывавшая у них и влюблённая в студента, впоследствии расстрелянного, превратилась в очень интересную, уверенную даму.

Показателен контраст внутренней речи дамы из России, отражающей её действительную, отрицательную оценку собеседника, и того, что она говорит вслух, — выражения положительной оценки адресата. Также видим совпадение оценочных суждений об адресате Лужиной с тем, что она произносит. Дама из России прибегает к непрямому речевому акту, который можно представить диадой: «комплимент — неодобрение». Тем самым её речь входит в противоречие с принципом искренности. Это явление, на наш взгляд, можно рассматривать как речевую манипуляцию. Содержание сказанного утрачи-

вает своё значение, происходит редукция первоначального смысла. Лужина использует прямую коммуникацию и остаётся верна принципу искренности в общении. Этот пример иллюстрирует использование не прямой коммуникации в романе по причине, прямо противоположной отмеченным выше, — стремление скрыть свои истинные чувства, ввести в заблуждение адресатов, произвести благоприятное впечатление. Так коммуникативными средствами создаётся негативная речевая характеристика дамы из России, ей присущи лицемерие, неискренность, душевная холодность. Прямой комплимент в диалоге с приятельницей подчёркивает, напротив, доброжелательность и искренность Лужиной.

Заключение

Итак, наиболее частотными стратегиями, имеющими косвенную реализацию в романе В. Набокова «Защита Лужина», являются стратегии отказа, несогласия и просьбы. Каждая из них имеет свои тактики. Герои романа прибегают к косвенным речевым актам по различным причинам, чаще всего для сохранения вежливости и доброжелательности общения. Персонажи романа, намеренно не использующие косвенные речевые акты в ситуациях реализации неблагоприятных для адресата интенций и предпочитающие им прямые, грубо нарушают этикетные нормы и при этом терпят коммуникативные неудачи.

Список цитированных источников

1. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. — М., 2006.
2. Нестерова, Т. В. Непрямые (косвенные) реализации интенции отказа в речевом общении русских с позиций речевого этикета / Т. В. Нестерова // Русский язык за рубежом. 2009. — № 3.
3. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986.
4. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. — М., 1998.
5. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. — М., 1993.
6. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». — М., 1987.

Редактор Я. Н. Важник. Корректор Л. В. Сулягина.

Компьютерный набор И. Б. Дорониной. Вёрстка Н. М. Хаманеевой.

Выход в свет 29.05.2013. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 2592 экз. Цена свободная. Заказ 1457.

Почтовый адрес редакции журнала «Русский язык и литература»:

ул. Будённого, 21, 220070, г. Минск.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».

ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009. Пр-т Независимости, 79, 220013, г. Минск.